

С.Г. Шафиков

[sagit@rbcmail.ru]

[<http://www.sagit.ucoz.com>]

ГЕНИЙ

рассказ

В благодарность за подготовку своей дочери к вступительному экзамену, отец абитуриентки, пивной магнат «Шихана», угостил меня поездкой в Чехию. В течение целой недели я с утра до вечера бродил по Праге, опьяненный видами этого средневекового чуда, и терпеливо изучал все, что полагается знать туристу. В конце недели, устав от впечатлений, я решил устроить себе воскресный отдых и, всласть выспавшись, отправился с утра гулять в природный парк Златнице на Северо-Западной окраине. Солнце село, и я уже стал подумывать о возвращении в гостиницу. Для очистки совести я решил прежде обойти парковый пруд, и, пройдя почти до самого дальнего конца его, спрятанного в тени деревьев, вдруг остановился, пораженный. Какой-то человек, раздевшись до трусов, стоял по колено в воде и, запустив обе руки в воду, таскал оттуда полусонных карпов, вполголоса бурча что-то себе под нос. В этом бурчании мне удалось узнать татарскую песенку об удачливом рыболове, и я решился его окликнуть, чтобы сказать ему, что в природном парке ловить рыбу нельзя, потому что это запрещено законом. «Тем хуже для закона, - отвечал незнакомец с улыбкой, а кушать сегодня мне хочется не меньше, чем вчера». Молодой браконьер, назвавшийся Альбертом Даукаевым, был приятной наружности, и редкое обаяние его улыбки не мог испортить даже кривой зуб, который, нарушая общий ряд, выдавался куда-то вперед, словно хотел сказать, что он сам по себе и ему плевать на весь мир. Встреча в центре благопристойной Европы с полуголым варваром, который без всякого стеснения занимался запрещенным промыслом, было удивительным событием, и его рассказ оказался столь же удивительным.

Земляк рассказал мне, что во время прохождения стажировки в Карловом университете он получил от известного в Европе профессора Зденека Прохазки приглашение сотрудничать в рамках проекта, связанного с «гениализацией» человечества. Тема почему-то привлекла военных, которые попытались ее оседлать, назначив куратором какого-то генерала, доктора наук, однако Прохазка, холерик по натуре, заартачился и, в свою очередь, сделал попытку надавить на ректора. Произошел скандал, университетский совет провалил его проект, и он, как говорится, хлопнул дверью, рассчитывая на помощь

независимых исследовательских центров. Однако служба безопасности, связанная с армией, за которой стояло НАТО, занесла его в черный список вместе со всеми сотрудниками его лаборатории. Никто не хотел его слушать. Ведущие университеты мира, в которые обращался пан Зденек, игнорировали его. Откликнулся только университет государства Хулахайо, находящегося на каком-то острове в Меланезии (его нельзя было найти на карте даже с помощью большой лупы). Ректор Хулахайо предлагал Прохазке возглавить кафедру гениалогии. В название кафедры, видимо, вкралась ошибка, и, скорее всего, речь шла о гинекологе, однако план исследовательских работ по разработке формулы гениальности, представленный профессором, ректор одобрил, и теперь оставалось только подписать договор. Поэтому доктор Прохазка срочно вылетел в Хулахайо и уже оттуда отправил вызов своим сотрудникам, истратившим последние деньги для переезда под созвездие Южного Креста.

Почесывая впалый живот, Альберт сказал, что надеется уже через двое суток отведать мокеку из крабов в кокосовом молоке. Я не стал спрашивать, что это такое, хотя вполне понимал его нетерпение. В ожидании полинезийской вакансии, Альберт пробавлялся случайными заработками, живя в основном за счет даров природы. В пруду ботанического сада кишмя кишели зеркальные карпы, и молодой ученый ловил их по вечерам без всякого сопротивления с их стороны; видно, в их жирных головах не умещалась мысль о том, что они могут стать чьей-нибудь жертвой. Рыбу, поджаренную на утюге в местном туалете, который почему-то не запирался на ночь, земляк заедал ягодами разнообразных тропических деревьев, а, чтобы купить хлеба, собирал монеты со дна фонтана или с мраморных плит на могилах Прокопа Большого, Микулаша из Гуси и других благородных воителей. Часть своей выручки он однажды предложил Младе, болгарской проститутке с Вацлавской площади, за кров и постель. Млада великодушно отказалась от денег, зато позволила ему отдыхать в ее постели после полудня, когда она выходила на работу, а ночью Альберт уступал постель очередному клиенту и, возвращаясь под утро, заставал постель еще теплой. Когда Млада никого не находила на ночь, Альберт веселился с ней и обсуждал разные научные темы, потому что она была образованной, как античная гетера, и имела степень магистра философии.

Узнав о злключениях бедолаги, я предложил ему пожить у себя несколько дней, оставшиеся до его вылета в Хулахайо. «Благодетель!», - закричал Даукаев, едва дослушав мое предложение и, вытянув шею, заскулил по-собачьи, выражая мне свою преданность, а затем продекламировал: *Как просто: достает со дна кармана//Циркач собаке лакомое*

блюдо, // И лает пес, считая числа рьяно, // И верит зритель: происходит чудо, // А чудо не бывает без обмана. Пока я раздумывал над смыслом этих странных стишков, земляк собрал свои пожитки, после чего мы отправились в мою гостиницу на Малой Стране с видом на Карлов мост.

«Массовое производство гениев должно стать таким же легким делом, как производство искусственного жемчуга, - сказал Альберт, сидя со мной в гостиничном ресторане за жареным карпом с кнедликами и свежим холодным пивом.

– Чтобы понять, что предшествует рождению гения, необходимо типизировать все обстоятельства романтического выбора в каждом поколении, то есть все скрещивания, которые, в конечном счете, приводят к желательному рождению. Романтические обстоятельства труднее моделировать, чем, например, собственные признаки рожденного, такие как цвет зубной эмали, разрез глаз, запах выделений и так далее. Я хочу сказать, что встреча с будущим спутником жизни показывает почти полное торжество случая. – Увидев мою заинтересованность, мой случайный знакомый рассказал мне довольно замысловатую историю об исчислении вероятностей своего рождения, успев, как видно, собрать целый ворох сведений о своих и чужих предках.

- Мой отец, Рифгат Даукаев, преподаватель, женился на студентке Фариде, и такое событие вполне поддается исчислению, поскольку вероятность его назначения именно в данную группу из четырех возможных равняется одной четвертой. Если бы папа преподавал в параллельной группе, его обаяние, возможно, не подействовало бы на студентку. Однако мое появление на свет определяется и другими обстоятельствами. Например, до возвращения в родной город Рифгат имел самые серьезные намерения в отношении польки Гелены. Причина, по которой два любящих сердца не соединились, не столь уж важна, зато это оказалось важным для знакомства моих родителей. Папа выучил польский язык для общения с полькой и благодаря этому свел знакомство с татаркой, а другого повода для знакомства могло и не найтись. Таким образом, точка встречи сперматозоида отца с яйцеклеткой девушки Фариды вроде бы становится детерминированной. Однако, – Альберт поднял вверх указательный палец, - лавина других факторов низводит эту вероятность к нулю. Например, если бы моя мама, которая в детстве блистала в детской балетной школе, была на два сантиметра выше, ее бы отправили на стажировку в Кировский театр, или, если бы мама вышла замуж за любого из своих трех женихов, которые...

- Подожди! - прервал я его, - конечно, точно предсказать ничего нельзя, однако вероятность рождения не может равняться нулю, хотя бы из-за географии. Наверное, твоя мама встретила со своими кавалерами в своем родном городе?

- Ничего не значит, - сказал Даукаев, ковыряясь в зубах, чтобы избавиться от рыбьей косточки, - потому что каждое событие является почти невероятным из-за массы предшествующих событий. Первый мамин кавалер, ее бывший одноклассник, рокер Альфред, любил ее никак не меньше своего мотоцикла и уже готовился к свадьбе, однако свадьба расстроилась из-за опоздания жениха. Жених решил, видите ли, в последний раз как следует прокатиться на последней модели «Судзуки», подаренной дядей из японского торгового представительства. Альфред заехал слишком далеко, и, торопясь к назначенному часу, сломал себе все, что можно сломать. Через год после этого несчастья у Фарида появился второй жених, генерал Платочков, с грыжей, которой Фарида немного стеснялась, и дочь от первого брака, подруга Фарида, и эта подруга познакомила ее со своим отцом-генералом. Так совпало, что, дочь генерала подхватила какую-то заразу от друга-фармацевта, и как назло в это время страдавший грыжей воин отправился в аптеку, где ему приглянулась милая женщина-провизор, которая, как потом выяснилось, заразила не только фармацевта и через него генеральскую дочь, но и самого генерала. Когда Платочков узнал об этом, поправить отношения с Фаридой было уже невозможно. Третий жених был сослуживцем моего деда, маминого отца, экономист Богдан Печурка, с пышными усами и богатым опытом по части женщин. Днем Богдан вел себя вполне степенно, а его бурная ночная жизнь была вне поля зрения деда-идеалиста. Однажды Печурка пригласил моего деда вместе с дочкой в ресторан, чтобы отметить премию за внесенное рацпредложение. Обед вызвал у деда сильную жажду, которую пришлось заглушать пивом, и, чтобы облегчиться, он вышел в туалет, где ему встретился двоюродный брат его жены Розы. Родственник знал Богдана как облупленного и рассказал дедушке всю подноготную потенциального жениха, поэтому помолвка расстроилась вмиг.

- Откуда ты знаешь все эти подробности? – спросил я, пораженный этой разнородной массой информации. Альберт проигнорировал мой вопрос и, выпив большую рюмку бехеревки, продолжал.

- Таким образом, - сказал он, икнув мне в лицо, - из-за каких-то идиотских случайностей мама не вышла замуж к тому времени, когда познакомилась с папой. А ведь все могло сложиться совершенно иначе! Ведь мог же любвеобильный дядя подарить Альфреду что-нибудь другое, или генерал Платочков, вздумавший поговорить с провизором о бандажах против грыжи, мог сделать это в другой аптеке, или дед мог бы не встретить своего знакомого в ресторане, в котором Печурка должен был, с общего

согласия, сделать предложение моей матери. Впрочем, когда мои родители свели знакомство поближе, до женитьбы дело могло бы так и не дойти, даже несмотря на отсутствие соперников. Ведь в год знакомства, осенью, папа поехал в совхоз со студентами для выполнения Продовольственной Программы. Там он чуть не стал жертвой ревнивой страсти племенного быка. Если бы этот бык не всадил свой рог в единственную безопасную точку в паху отца, или, если бы, перепрыгивая через забор, мой будущий отец свесил свой зад на сантиметр ниже точки поражения, на его половой жизни можно было бы поставить крест! Как честный человек папа, конечно, не женился бы на маме и остался бы бездетным.

- От подобных случайностей никто не застрахован, однако нельзя же, в самом деле, учитывать возможность падения кирпича с крыши на голову!

- Нельзя не учитывать такой возможности, - назидательно сказал Альберт, - тем более, если это падение не кирпича, а облицовочной плиты или сосульки. Кстати, мамина сельскохозяйственная командировка тоже не обошлась без роковой случайности. Тракторная тележка, на которую она отказалась садиться, возвращаясь со свекольного поля, перевернулась и убила тракториста, смертельно напугав пассажирку, мамину подругу. Тракторист был не настолько пьян, чтобы это бросалось в глаза, и то, что мама все-таки не села в тележку, можно было объяснить чутьем, которого не хватило пассажирке. Ее испуг сделал ее заикой на всю жизнь, и, будь на ее месте мама, конечно, никогда бы ей не выйти замуж за моего отца, ведь как фонетист он не выносил неряшливой речи. В этой точке проблема «быть или не быть» для меня переплетается с государственным строем, конкретнее, с традицией отправлять студентов осенью на сельскохозяйственные работы, а также с проблемой алкоголизации села.

- Частные случаи, конечно, сложнее учесть, чем общественное явление, - сказал я, ошарашенный переплетением всех этих казусов.

- Общественные явления также распадаются на частные случаи. Взять, к примеру, войну. Пока мой дед Ирек, отец Рифгата, был в Москве на Сельскохозяйственной Выставке, чтобы рассказывать посетителям о своих трудовых подвигах, его девушка Хасби - по слухам - гуляла с Шамилом, сыном пастуха Якуба. Если бы не разразилась война она, возможно, удержалась бы от порыва искренности, провожая деда Ирека на восточный фронт, и умолчала бы о своих шашнях, ведь за язык ее никто не тянул. В общем, на войну Ирек уехал почти женоненавистником. Он служил охранником в лагере для военнопленных, и там какой-то пленный японец научил его фокусам с наперстком. После войны Ирек продолжал баловаться с наперстком, пока не встретился с милиционером, своей будущей женой (мужчин-милиционеров после войны не хватало),

которая посадила его и сама же потом носила ему передачи, дожидаясь его освобождения. Получается, что косвенно мое рождение связано с войной и умением рядового состава Квантунской армии играть в шулерские игры.

- Прямо роман какой-то, - пробормотал я.

- Моему появлению на свет могла помешать еще более ранняя война, а именно наполеоновская, на которую отправился Булат, прадед матушки Рифгата, в качестве всадника дикой дивизии. И ему так понравилось повесничать с француженками, что после возвращения с войны он продолжал в том же духе, даже не думая обзаводиться собственным домом. Тогда отец послал его в далекую деревню, к своему родственнику, якобы за кобылой, и уже оттуда вместе с кобылой Булат привез девушку, свою будущую жену. В общем, если бы не Наполеон, Булат не нахватался бы свободного духа, не стал бы воротить нос от предназначенной невесты и запросто женился бы на какой-нибудь девушке с богатым приданым, или, если бы у хозяина-лошадника не было красавицы-дочери на выданье и не знай об этом мудрый отец Булата, я не появился бы на свет. Тысячи тысяч событий должны были сложиться для того, чтобы родился именно я.

- Так можно дойти до какого-нибудь питекантропа...

- Конечно! Правда, здесь приходится вступать в область предположений. Например, род Даукаевых может восходить к питекантропу, который, не вдаваясь в рассуждения, овладел под тутовым деревом самкой, аппетитно оттопырившей зад в поисках палых плодов. Если бы самка была обращена задом в противоположную сторону, или если бы под этим деревом не было вкусной падалицы, зачатия бы не произошло. Значит, все последующее, то есть нашествие монголов и все другие войны имели бы еле заметные изменения, которые помешали бы мне родиться. Таким образом, вероятность моего рождения содержит подкласс вероятностей распределения тутовых деревьев, росших на Урале полмиллиона лет назад и занесенных сюда, например, мамонтами.

- Что же могло произойти с мамонтами?

- Можно предположить, что сульфатные свойства рек Уральского бассейна вызвали слабительное действие на кишечник мамонтов. Вследствие этого их туловые испражнения, усеявшие Ирлендек, засеяли рощу, которая в ледниковый период, конечно, вымерзла, однако для первобытного зачатия, от которого, в конечном счете, произошел я, Альберт, урожденный Даукаев, эта роща имела колоссальное значение. Получается, что, если бы не понос мамонтов, я не узнал бы этого мира! - рассмеялся Альберт и, вдруг сменив тон, добавил уже серьезно:

- Что еще хуже, мир не узнал бы человека, который собирается оказать ему некоторые услуги.

Закончив свой рассказ, Альберт отпил из своей кружки с пивом и, играя голосом, прочитал очередные стишки: *Кто рассчитает точку вероятности//События, все движущие силы,//Сходящиеся кривизной приятности//В соитии вестготки и Атиллы?* Я не берусь судить о достоинствах этих и других виршей, однако признаю, что мой странный знакомый был прирожденным импровизатором и порой любил повалять дурака, как клоун на арене.

- Что это значит? – спросил я.

- Ничего, - ответил Альберт. – Я просто хотел позабавить тебя рассказом о том, что рождение предка есть событие всегда более вероятное, чем собственное рождение, но не потому, что оно уже случилось, а потому, что к этому ведет более короткая цепь событий. Отступая все дальше в прошлое от момента своего рождения, можно найти временную точку, в которой данное рождение характеризуется почти нулевой вероятностью. Следовательно, вероятность своего рождения обратно пропорциональна вероятности рождения своего предка.

- Значит, чем дальше вглубь веков...

- Тем с большей вероятностью происходит зачатие. Поэтому факторы гениальности нужно искать на ранних точках всей линии романтических пересечений, и главным фактором, наверняка, является стресс. Я имею в виду конфликты, стихийные бедствия, тяжелые заболевания, бедность, тяжелое детство и так далее. В течение всей жизни стресс оставляет следы в структуре клеток, и по этим следам я выведу гениаграмму, генную формулу гения.

Администратор гостиницы, безглаголиво приняв меня к своеобразному запаху, исходившему от одежды моего товарища, согласился на подселение, правда, только после телефонного разговора с чешским партнером моего пивного магната. Его красноречивый взгляд ясно говорил, что я преступаю некую черту, которую благовоспитанный гость не должен переступать никогда. Однако я полностью доверял своему гостю, считая его, в определенном смысле, героем, хотя его привычки, добавляющие мне хлопот, конечно, не прибавляли ему шарму. Так, он любил читать в постели, грызя печенье, не обращая ни малейшего внимания на крошки, и в ответ на мое кроткое увещеванье, он посоветовал мне «не брать в голову». Сморгаясь на ковер, он простодушно уверял, что «все равно ничего не видно».

Не дожидаясь расчетного часа, администратор выгнал нас обоих из гостиницы после пожара, устроенного Альбертом, который забыл выключить кипятильник. Этим выдавшим виды кипятильником он упрямо продолжал пользоваться, хотя в номере имелся электрочайник. Пострадало всего лишь мягкое кресло, в которое вонзилась раскаленная спираль нагревателя, однако администратор был неумолим, а просить чешского партнера моего благодетеля, отца абитуриентки, я постеснялся. Подлец Альберт, зачитавшийся в туалете и вышедший уже после того, как я успел упаковаться, к изгнанию отнесся философски, заявив, что «все учтено могучим ураганом». Подавленный случившимся и тяжелым багажом, я поплелся за целеустремленным нахалом, который, как я опасался, поведет меня к своему пруду с карпами. Однако местом нашей передислокации оказалась квартирка его подружки Млады в Вышеграде.

Млада оказалась довольно милой миниатюрной брюнеткой в очках с короткой стрижкой и без видимых стереотипных признаков своего образа жизни. Она сразу же взялась за приготовление обеда, используя нас с Даукаевым на подсобных работах. Свои поварские действия хозяйка сопровождала критикой глобальной цели, к которой стремился мой герой. Диалог между женщиной и ученым получился довольно любопытным, и, признаюсь, меня поразила как эрудиция падшей женщины, так и ее владение русским языком.

- Разве мир недостаточно сложен без нашествия гениев? – спрашивала Млада. - А куда прикажешь деваться обычному человеку? Мир устал от великих, дайте отдохнуть!

- Типичное гомеостазное мышление, - парировал Альберт. - Ты лучше подумай: разве твоя жизнь не приобретет более возвышенный смысл, если ты будешь обслуживать людей не от мира сего?

- Сумасшедших, что ли? Для моей профессии это катастрофа. Ведь гению не нужна просто женщина. Ему подавай женщину как топливо для костра его воображения, яблоко для открытия гравитации, рычаг, чтобы какой-нибудь Архимед мог перевернуть мир!

- Ты слишком умна, для женщины, конечно.

- Для шлюхи, ты хотел сказать, так точнее. – Млада замолчала, а потом сказала с усмешкой: - Гений проявляется только в пассионарной личности, и как раз такой личностью может стать сукин сын, который стремиться к подвигу. Вспомни хотя бы Александра Великого! Безродный хочет утвердить себя в мире законных детей, которые все получают по праву.

- Наоборот, статистика показывает, что безродный ребе добивается успеха, чем человек с полным набором родителей. Моя конечная цель состоит в моделировании великих умов разных направлений, в создании, если угодно, фабрики гениев.

- А ты не боишься, что созданная по твоему проекту фабрика гениев может стать для человечества ящиком Пандоры?

- Конечно, нет! – воскликнул Альберт, - наоборот, представь себе, как мгновенно обогатится наука! Это будет похоже на прорыв к звездам, на вертикальный взлет истребителя ...

- Не забывай, что истребитель создается для истребления...

- Не надо ловить меня на слове, я просто оговорился.

- Любая палка о двух концах, - продолжала Млада, громыхая тарелками, - странно, что мне приходится напоминать тебе о том, что ты должен знать сам. Отрицательные последствия можно найти у любого опыта, какую бы великую пользу этот опыт ни сулил. Взять, хотя бы открытие атомной энергии, или пенициллина, или клонирование. Да что угодно возьми! За все придется платить, и за взрыв планетного «гениалитета» придется платить тоже. Всякое отступление от природной, сформировавшейся в течение эволюции схемы устройства тела обязательно вызовет целый ряд минусов.

- Смешно сравнивать улучшение творческого потенциала мозга с каким-то вульгарным изменением тела. И потом...

- Можно сравнивать! И там, и здесь – управление естеством по законам, до которых простоволосая бабушка-природа не додумалась, а ты, внучек, значит, вознамерился перещеголять бабку?

- Что же страшного в том, что внук умнее своей бабушки?

- Это как смотреть. Если рассуждать утилитарно, усовершенствование человека желательно, но каждое отдельное усовершенствование влечет за собой другое. Более быстро соображающий мозг потребует более емкой памяти, а для этого нужно изменить объем и даже, возможно, форму черепа, и конца этому пути постепенных улучшений нет!

- Какое счастье, что *vital forms* не требуют никаких улучшений! – засмеялся Альберт, платонически похлопав своего обаятельного оппонента ниже пояса. Было видно, что ему нравится и разговор, и сама Мила.

- Как знать... Натри-ка морковь, я не успеваю... Тотальное улучшение тела, включая мозг, ведет в пропасть абсурда, потому что все взаимосвязано. Появившееся, в конечном счете, существо будет пределом эффективности. Но! - Млада сделала паузу для большей выразительности. – Это существо так же мало будет похоже на человека, как

компьютер, в котором никто не захочет видеть своего потомка. Боюсь, что твое «огениализация» приведет к разделению человечества на элиту и плебеев.

- Тем хуже для плебеев. Все определяется элитой общества. Так было всегда, и всегда и будет продолжаться! Усовершенствование человека должно постепенно привести к преобладанию гениев над умственными пигмеями. Властвовать будет уже не узкая элита, а целое общество, в котором каждый индивид можно считать частицей со сверхвысоким умственным зарядом. Представляешь себе, какая будет сила тока!

- Дорогой мой, если я не ошибаюсь, то, чтобы был ток, нужен плюс и минус. И, если уж определять гениальность через метафору о заряженных частицах, то в гениальном обществе должно быть огромное число идиотов. Иначе не будет той самой разности потенциалов, нарушится гомеостатическое равновесие. Ладно, все готово, идите мыть руки.

- Равновесие уже сейчас нарушено, - сказал я, встречая в самый конец, чтобы хоть что-то сказать, - идиотов больше, чем нужно, а гениев что-то не видно.

За обедом тема разговора как-то быстро себя исчерпала, и мы воздали должное еде, которая примиряет противоречия, порождая сытость, а вместе с ней дружбу, любовь и согласие. После обеда меня сморил сон, и я перебрался на кушетку. Думая о том, что в отношении подружки моего земляка к Альберту проявляется, пожалуй, нечто большее, чем жалость женщины к неустроенному мужчине, я провалился в глубокий сон.

Проснулся я от чувства сильного беспокойства, и долго не мог понять, где нахожусь. Наконец я сообразил, что полулежу в кресле самолета, пристегнутый поясом, за окнами иллюминаторов плыла ночь, в салоне стоял полумрак, и почти все пассажиры спали, укрывшись пледами. Я попытался понять, куда и зачем я лечу, однако сильная головная боль, с которой я проснулся, мешала сосредоточиться. Чтобы не ломать себе голову, которая и без того болела, я разбудил соседа, лежавшего ко мне боком и беспокойно ерзавшего во сне. Каково же было мое удивление, когда в этом пассажире, который, оказывается, совсем не спал, я узнал своего знакомого, Альберта Даукаева! Вторым пассажиром, высунувшим голову из-под пледа, оказалась слегка растрепанная Млада.

- Уже очнулся? – спросил Альберт, - Как ты себя чувствуешь?

- Так себе. Что все это значит?

- Ты летишь со мной в Хулахайо в качестве моего ассистента. А вот еще один ассистент, - сказал Альберт, целуя свою подружку в шею. - Сама судьба свела вас со мной, чтобы сделать свидетелями великого открытия!

- Ты сумасшедший, - сказал я, удивляясь про себя тому, что реагирую как-то слишком спокойно для этой фантастической ситуации. Здесь надо бы возмущаться, кричать, звать на помощь, а я разговариваю, как литературный герой.

- Я решительно протестую против насилия над своей личностью, - сказал я, делая над собой усилие, чтобы протестовать.

- Протестуй, только как можно тише, - спокойно сказал Альберт, показывая мне какую-то бумагу. – Здесь говорится, что ты, душевнобольной из... в общем неважно, откуда... направляешься в период острого кризиса для дальнейшего лечения в Хулахайо по приглашению местного правительства, в сопровождении медсестры.

- Что?! – вскричал я, разбудив спящего соседа из переднего ряда, который укоризненно посмотрел на меня.

- Тише, - повторил Альберт. - Это ты сумасшедший, а не я, и, поскольку ведешь ты себя соответственно, тебе пришлось перед посадкой сделать успокаивающий укол, и из-за этого у тебя может быть даже провал в памяти. Что подделаешь, наука, как и искусство, тоже требует жертв! Впрочем, твое здоровье полностью восстановится, заверяю тебя как медик.

- Скажи-ка мне, медик с бандитскими замашками, зачем я тебе вообще понадобился? Ведь можно же было с кем-то договориться добровольно!

- Для этого у меня не было времени. Кроме двух аспирантов, Чжанга и Хуа, остальные китайцы передумали ехать, причем оповестили меня в последний момент! Ясное дело, их влечет Запад, а жалкий островок в Тихом океане в их глазах - еще большая Азия, чем Китай.

- Я сразу же возвращаюсь обратным рейсом, – сказал я, хлопая себя по карманам в поисках паспорта.

- Не забывай, что ты псих, и по это му твой паспорт находится у медсестры Млады Рачевой, - сказал Даукаев с улыбкой. - Впрочем, в Хулахайо это не будет иметь никакого значения.

- Бред какой-то. Разве визу можно получить визу за один день? - спросил я и разозлился на себя за глупый вопрос, словно получение визы важнее факта моей насильной транспортиции.

- За деньги все можно.

- Ты хочешь сказать...

- Не обязательно быть бандитом, - сказал Альберт, - чтобы строить комбинации в расчете на выигрыш. Поэтому, когда нужно, можно воспользоваться и услугой бандита, услугой, заметь, достаточно дорогой.

- Значит, у тебя есть деньги? Зачем же я поселил тебя в своем номере?
- Мне нужно было приглядеться к тебе, и, кажется, я уже это сделал.
- Почему же ты прозябал у пруда, как последний бомж, если у тебя есть деньги?
- Видишь ли, я не в ладах с чешским законом. Нельзя, дорогой мой, взвешивать все научные вопросы на весах этики, проверяя, так сказать, алгебру гармонией морали. Гениальность - редчайшая вещь, и вряд ли живой гений согласится на обследование, ведь это так хлопотно! Можно, конечно, обратиться к гениальным мертвецам...
- Что за чепуха!
- Покойнику уже ничего не нужно, и каждый из пятнадцати человек имеет право на сундук мертвеца.
- Сундук мертвеца? Что за бред ты несешь!
- Может быть, ты слышал: при перезахоронении Гоголя его собрат по перу отрезал себе кусок сюртука, чтобы обшить им двухтомник гениальной поэмы. Думаю, что у меня тоже есть право.
- Ничего не понимаю. - Я стал растирать виски, чтобы хоть немного унять головную боль.
- Ты хочешь сказать, что мертвец может помочь тебе в открытии эффекта гениальности?
- Следы гения, несомненно, сохраняемые на клеточном уровне, можно попытаться расшифровать.
- Даже если тело разложилось?
- Достаточно взять соскоб с кости покойника, а, если это невозможно, можно взять целую кость, например, мне хватило бы фаланги пальца Франца Кафки... Только мне не повезло.

Через минуту я узнал о бесчеловечной попытке эксгумировать тело Кафки с еврейского кладбища в Жижкове. Выбрав безлунную ночь, Альберт отправился на преступное дело, договорившись за пятьсот долларов с младшим лаборантом, который, как и все сотрудники Прохазки, сидел на мели. Слушая рассказ, я одновременно и возмущался его поведением, и восхищался смелой попыткой проверить научную идею, как доктор Джекил, которому в какой-то мере импонировала дерзость его отвратительного alter ego, мистера Хайда. Однако Альберт не видел в своих действиях ничего странного или предосудительного, считая, что этика следует за наукой, а не наоборот. Единственное, что он не предусмотрел, была сигнализация, стоившая ему легального положения. Как только тяжелый надгробный камень был сдвинут в сторону, сигнал сработал, и, не дожидаясь появления охранников, гробокопатели побежали к забору. Альберт благополучно перемахнул через забор, а лаборант замешкался и был задержан охраной кладбища.

- Пойми, - сказал Альберт, обнимая меня за плечи, - у тебя теперь нет другого выхода. Я не хочу соблазнять тебя сумасшедшей зарплатой, которая является таким же курьезом, как соединение науки и обычаев в Хулахайо. У тебя есть шанс обрести смысл жизни, раньше тебе просто не хватало для этого времени! Судьба приводит тебя к моему пруду, у которого я жду именно тебя, чтобы ты помог мне переделать этот ублюдочный мир! – Альберт потрепал меня по шее, и я почувствовал, как сквозь его пальцы уходит моя головная боль. Меня убедила отнюдь не его аргументация, я просто увидел любовь, отраженную в восторженных глазах его спутницы.

Через восемнадцать часов полета самолет приземлился в аэропорту Хулахайо, который был просто продолжением пляжа из измельченного кораллового песка. Бетон взлетно-посадочной полосы поднимался всего на несколько метров над уровнем прибоя, ревущего где-то в километре от берега, за узкой полосой атолловых рифов. В лагуне, которая была вся усеяна садками для искусственного выращивания жемчуга, сновали лодки, и с берега было видно, как поднимаются огромные корзины с жемчужными раковинами, составляющими главное богатство острова. Тут я вспомнил сравнение моего похитителя о производстве жемчуга, которое должно стать таким же легким делом, как производство жемчуга. Снаружи здание аэропорта было похоже на полинезийскую хижину из-за бетонных свай, предохраняющих от наводнения, дышало жаром. Наверное, поэтому зал ожидания, охлажденный кондиционером, показался мне слишком холодным, и, содрогаясь то ли от внутреннего холода, то ли от предчувствий, я ступил вместе со своими спутниками на райскую землю.

Встречающих было двое. Профессор Прохазка, мощного сложения старик с седой бородой и детской улыбкой, в короткой белой рубашке и шортах, из которых торчали обутые в сандалии загорелые ноги, приветствовал нашу тройку традиционным чешским «ахой», пожав мужчинам руки и поцеловав Младу в щечку. Вторым был Джек Тупуаи, ректор и одновременно декан медицинского факультета, пухлый полинезиец в белом пиджаке, надетом прямо на изощренно выделанную многоцветную татуировку, которая тянулась вниз ото лба до голых пяток. Мистер Тупуаи пригласил нас домой, чтобы угостить традиционным полинезийским обедом, в котором главным блюдом был молочный поросенок, зажаренный с молодыми побегами бамбука в пальмовых листьях. Все были в восторге от *коку*, угощения из измельченной сердцевины хлебного дерева,

перемешанного с кокосом, и все деликатно отказались от крысиных хвостов, запеченных в тесте. Обед довершил освежающий сок кокосового ореха. Затем Джек провел нас по кампусу, то есть вдоль дюжины бамбуковых строений, покрытых пальмовыми листьями, окаймлявших полукругом живописное озерцо, утонувшее в тени кокосовых пальм. Через озерцо в океан стекал горный ручей, и веселые студенты на каждой перемене в занятиях выбегали купаться в прохладной воде, ныряя и плескаясь, а затем, не вытираясь, расходились по аудиториям. Джек с гордостью продемонстрировал лабораторию исследовательского центра, единственное каменное здание в кампусе, не считая административного корпуса. Центр, выложенный цветной галькой и морскими раковинами, был построен в четыре этажа, и его главной достопримечательностью, наряду с суперсовременным компьютером фирмы IBM, была советская космическая станция «МИР». По приказу Хуара-Лумпура, короля Хулахайо (который был одновременно президентом), станция была поднята со стометровой глубины у рифов островка Нама-муо, в ста двенадцати милях от Хулахайо. Как сказал гид-ректор, чтобы поднять станцию, чемпиону острова по подводному плаванию пришлось нырять всего один раз, чтобы зацепить трос за стыковочную скобу. Фотография белозубого пловца висела на стене рядом с центрифугой, извлеченной из корпуса станции. Эта центрифуга, предназначенная для поддержания формы космонавтов в невесомости, сейчас служила развлечением для аборигенов острова и гостей.

Зденек Прохазка проводил каждое утро на бамбуковых циновках медицинского факультета, читая курс гинекологии и занимаясь практикой, ведь именно этого ждал от него ректорат. В послеобеденное время, несмотря на повсеместную сонную одурь, вся группа Прохазки занималась проектом, финансирование которого требовало немалой части отчислений из жемчужной прибыли короля. Под началом Чжанга и Хуа я быстро освоился со своей поначалу скромной ролью лаборанта, а Млада выполняла роль переводчика и технического секретаря при лаборатории, в которой мы проводили свои опыты.

Для проверки стресса как пускового механизма порождения гениев лаборатория подвергла испытаниям тысячи тысяч крыс, закупленных Министерством Продовольствия. В соответствии с королевским декретом товарные крысы вначале проходили испытания в лаборатории и только после этого отправлялись на рынок. Именно крысы, жертвы научной любознательности профессора Прохазки, были любимым мясным блюдом у островитян, которые покупали их в лавках целыми связками в копченом, жареном и

печеном виде (в тесте хлебного дерева). Во время опытов приходилось вручную определять наличие беременности у самок, так как профессор считал, что стресс действует не напрямую, что его благотворное действие проявится только в следующем потомстве. Поэтому-то мои пальцы были постоянно искушены до крови. Конечно, мои мучения не шли ни в какое сравнение с мучениями, которым подвергал профессор своих животных, используя техники, применявшиеся в средневековье для идентификации ведьм. Прохазка пытал их электричеством, жаждой, водой, поочередно топя и спасая, чтобы снова топить, и все для того, чтобы подглядеть, на каком этапе испытания стресс заставит крысу поумнеть. Большинство особей, естественно, гибло без всякой пользы, редкие эмбрионы выживали вместе с матерью, а единицы оставались сиротами, каким-то образом компенсируя наносимый им вред. Пережившее стресс потомство практически ничем не отличалось от обычных особей, однако именно на них шеф сосредоточил свое внимание, полагая, что необычная выживаемость должна вызвать структурные изменения в головном мозгу, которые при дальнейших опытах непременно приведут к появлению гениального мутанта. Однажды пан Зденок объявил, что какой-то крысенюш пытается объясниться с нами языком знаков и даже нарисовал нам эти знаки. Когда умный крысенюш скончался, профессор объяснил это тем, что покойник пренебрегал классической музыкой, которая вроде бы должна действовать благотворно на здоровье, в отличие от тяжелого рока, погубившего грызуна. Как считал профессор, рок-музыка, развивая лобные доли мозга, то есть, усиливая интеллект, одновременно порождает неизлечимые болезни, ведущие к летальному исходу.

Альберт предложил раскручивать опытные образцы в космической центрифуге до состояния, при котором хромосомы должны выделять импульсы, резонирующие с электромагнитными колебаниями. По его мнению, таким образом можно было извлечь из клеточной памяти зародыша всю информацию о предшествующих событиях, включая события в жизни предыдущих поколений. Это позволяло приблизиться к пониманию генизиса, порождению гения, то есть к моделированию факторов гениального зачатия. Записав на машинном языке предсмертные крысиные страдания, Альберт получил первые генограммы, в которых содержался опыт нескольких тысяч предков каждого образца.

К этому моменту начала ощущаться нехватка материала, поскольку мы тратили больше крыс, чем способно было съесть население всего острова, и поэтому правительство приостановило действие крысиного декрета. Эту нехватку нельзя было компенсировать подвальными крысами из-за несоответствия стандарту. К тому же на Хулахайо плохо

обстояло с подвалами, в которых обитают крысы, не то, что в Европе, и, если бы даже такие подвалы имелись, на лакомых животных нашлись бы охотники. Некоторое время мы пытались обойтись крокодилами, скупая их у аборигенов. Однако ректор отказался платить, заявив, что крокодилов может ловить любой доцент, не говоря уже о профессорах, для которых крокодиловая охота должна быть просто развлечением. Волею-неволей лаборатория стала использовать для опытов человека, а именно гинекологических пациенток профессора. Поскольку беременные наотрез отказались крутиться в центрифуге, он ставил опыты на дамах, которые жаловались на отсутствие зачатия и готовы были согласиться на все, что угодно, включая космические выкрутасы.

Объяснялось это тем, что в островной цивилизации Хулахайо зачатие было сложной проблемой. В западной культуре неудовлетворенная страсть возвышает романтические отношения полов, препятствуя деторождению и, лишь со спадом чувства до рационального уровня, наконец, приводит к оплодотворению. В отличие от Запада, цивилизация Хулахайо строится на полном удовлетворении всех желаний, и соитие выглядит здесь столь же простым делом, как еда и питье. Половая жизнь протекает обычно в *дьяба*, «мужских домах», в которых молодые мужчины веселятся с *армунгул*, «девушками для мужчин». Так происходит до тех пор, пока армунгул не выходят замуж, став *вахине*, «женщинами», скопив приданое с помощью подарков от мужчин. Чем больше мужчин у девушки до брака, тем она ценнее как невеста. Зато нарушение супружеской верности сурово карается, если только это нарушение не вызывается необходимостью деторождения, и в этом случае любовник становится как бы временным заместителем мужа. Как девушки, так и молодые вдовы или безмужние женщины считаются принадлежностью всех обитателей дьяба, хотя искусственно откормить и съесть в качестве наказания за что-то разрешается только вдове или покинутую жену, да и то не чаще одного раза в месяц.

Чтобы избежать беременности, армунгул натирают себя изнутри корой дерева *кора-боро*. Однако, выходя замуж, девушка стремится как можно быстрее забеременеть, а долговременное использование коры вызывает нежелательное накопление в организме активного вещества, которое этому препятствует. Поэтому большинство пациенток Прохазки были замужними матронами, которые не смогли понести даже после применения экскремента самца бабуина, разжиженного соком перезрелого кокоса. Поскольку это средство помогало не всем, многие островные матроны решались на центрифугу и другие мучительства ради беременности, позволяя доктору тем самым

снимать генограммы в состоянии стресса. Как добросовестный целитель Прохазка после каждого опыта давал вахине препарат, способствующий овуляции. Если же это не помогало, приходилось все повторять. Однажды, отчаявшись вылечить Мотабори, жену вождя одного из горных родов, профессор, за неимением лучшего, просто злоупотребил своим положением гинеколога, что и отверзло чрево красотки.

Это событие вызвало заметное оживление среди его пациенток, которые сразу же пожелали поменять полуобморочное катание на центрифуге на более естественный способ. Поскольку мужья не возражали, профессор так же соглашался, ставя только одно условие: в случае удачного зачатия дама должна была участвовать в послеродовых опытах, что позволяло ему обновлять базу данных. Некоторых отчаянных пациенток профессор даже уговорил пойти на предродовые опыты, целью которых была стрессовая «встряска», необходимая для получения критического расклада генов, способных вызвать гениальное зачатие. Профессор предполагал использовать даже такие крайние виды стресса, как прыжки с пальмы на подопытную с дальнейшим изнасилованием. Если до таких сексуальных прыжков в дело не дошло, то Прохазка в этом не был виноват, а виноваты были мужья, не усмотревшие в этом упражнении ничего плодотворного. Я тоже считал стресс тупиковым путем и даже стал подозревать профессора в садизме. Однажды я поделился с Альбертом своими сомнениями, с которыми я никогда бы не посмел обратиться к шефу.

- Никакого садизма, как и в опытах с крысами, здесь нет, - сказал Альберт, - и тогда у тебя, кажется, не было сомнений?

- Ты не видишь разницы между крысами и людьми?

- Если принимать во внимание генный состав, то разница минимальна, а с точки зрения ценности научного опыта эта разница вовсе отсутствует. Этика подчиняется смыслу, а не наоборот. Никто не стал бы мучить крысу или насиловать девушку, если бы это не имело смысла. Ради истины, кажется, можно кое-чем пожертвовать, не так ли?

- Это мне кое-что напоминает.

- Знаю, знаю. Однако пойми, что только та цель оправдывает средства, которая не противоречит здравому смыслу. Ведь не будешь же ты называть врача бездушным типом только за то, что его интересует больной как место обитания кандидоза? Врач должен заниматься только проблемой нахождения наиболее эффективного способа устранения заболевания, а все остальное - психология.

Ректорат настаивал на участии всех кафедр в общественной жизни, которая в основном сводилась к увеселениям в дьяба, что обеспечивало приток студентов и, соответственно, плату за обучение в виде жемчуга, перламутра и кокосовых орехов местного сорта, который высоко котировался на мировом рынке. Студентки занимались днем в компьютеризированных аудиториях, сидя на циновках из стеблей гибискуса, а ночью, развалившись на таких же циновках в мужских домах, предавались любви, иногда с теми же профессорами, которые днем втолковывали им премудрости бухгалтерского учета, менеджмента и права. Все облегчалось до предела благодаря благодатному климату, позволяющему придерживаться райской моды, хотя нередко встречались и экзотические сочетания, например топлес с жемчужными бусами в стиле Готье и юбкой от Версаче. Именно в мужском доме я встретил принцессу Ньяуи, дочь короля-президента Хуала-Лумпура, которой как аристократке приходилось тратить больше времени для скопления достойного Ее Высочества приданого.

Экономя свое время и силы, профессор попытался перейти на искусственное оплодотворение, предлагая своим конкубинам лизать предметное стекло, чтобы скрестить клетки эпителия, оставшиеся на стекле, со своими половыми клетками. Вахине охотно лизали стекло как оригинальное начало лечебного ритуала, и почти насильно заставляли старика-доктора заниматься деторождением, зачастую под звуки концерта, организованного любвеобильным мужем под окном профессорского кабинета. Концерт начинался боем барабанов и заканчивался протяжным пением украшенных гирляндами гвоздик женщин, которые потягивали из банок пиво «Будвайзер», притоптывая в такт пению и ритмично хлопая себя по бедрам.

Из-за постоянного пребывания в мужских клубах лаборатория фактически прекратила свою работу. Упрямец Даукаев был, пожалуй, единственным, кто уклонялся от освященного традицией промискуитета, к которому вся исследовательская группа, включая шефа, уже привыкла. Островных женщин Альберт ни во что не ставил и, исключая Младу, свою жену, не желал знать никого, кроме работы. Отрешенный и зевающий после бессонной ночи, этот фанатик идеи слонялся из угла в угол и постоянно думал, думал, думал: когда ел, спал, справлял нужду или декламировал стишки, которые сам же сочинял. Однажды Альберт сочинил экспромт и продекламировал его в свойственной ему гротескной манере: *Зачем так тянет к женщинам чужим?// Все одинаковы, что та, что эта дама,// Своим устройством и умом своим,// А меньше дам,*

так меньше и бедлама.//Но краски лишь одной не хватит для картины,//И женщины одной для одного мужчины.

Альберт установил, что информацию о «подспудной памяти клеток» можно получать не только с зародышевой, но и с соматической клетки, и для этого никакой центрифуги не требовалось. Плодом его бессонных ночей стал прибор для трансляции генограммы, названный им «хроногенный аппарат», или сокращенно ХРАП. Теперь жизнь предков можно было воспринимать так же легко, как кино. Объект испытания помещался в переделанное гинекологическое кресло профессора, соединенное множеством электронных узлов с ХРАПом, который проецировал на экран все изменения, происходящие в генной памяти испытуемого. «Пилот», сидя перед экраном ХРАПа, с помощью коробки скоростей мог по своему усмотрению ускорять или замедлять проекцию событий, а, выжимая педаль газа, можно было совершить мгновенный переход в другое поколение. «Раскручиваемый» объект на ваших глазах, точнее на экране превращался в своего предка, который, в свою очередь, проходил стадию превращения в своего предка, а тот в своего и так далее, до полного угасания сигнала. Внешне человек, разумеется, не менялся, но психически он был тождественен любому прародителю по любой линии, произвольно выбираемой пилотом.

Забавно было наблюдать, как скромный Чжанг, лаборант-китаец превращался в спесивого мандарина эпохи династии Мин. Другой китаец, Хуа, полный сознания превосходства своей расы, с негодованием увидел своего предка сорокового поколения в подлой роли раба-музыканта, развлекающего своей игрой какого-то монгольского нойона, который с оскорбительным смехом издавал непристойные звуки, вызывавшие слезы у ханьца, изнеженного аристократическим воспитанием. Отвлечшийся от своих женщин профессор тоже принял участие в опытах по «оживлению предков». К всеобщему удивлению, он оказался отдаленным потомком вождя таборитов Яна Жижки и - в состоянии измененного сознания - был фактически его фантомом. Психологически такой фантом был слепком с реального прототипа, который жил в другое время. Во время очередного сеанса «раскрученный» Жижка, зажмурив один глаз, взмахнул рыцарской рукой, чуть не разбив сложное электронное устройство, так что его, то есть Прохазку, пришлось спешно извлекать из кресла, поддерживая за руки.

Альберт Даукаев сделал гениальное открытие, однако это открытие не приближало ученого к открытию эффекта гениальности. Поэтому, не поддаваясь царящей в группе

эйфории, Альберт продолжал думать и фактически не участвовал в параде оживленных предков, так же как и я (сесть в кресло мне мешало какое-то смутное опасение). Прохазка, наоборот, отдался новой игре с детской непосредственностью, забыв обо всем на свете. Несколько раз он влезал в гуситские войны через свою прабабку по материнской линии, прямым потомком одного из внебрачных детей великого полководца, чтобы выяснить, как Жижка мог командовать своей армией, будучи слепым на оба глаза уже во время битвы против императора Сигизмунда под Дойчбродом. Оказалось, что великий полководец, несмотря на свой пожилой возраст, имел исключительную память, держа в голове все подразделения своей крестьянской армии и все передвижения своих войск и войск противника. Этот гений войны отдавал четкие приказы прямо из повозки, в которой его перевозили, и видел внутренним взором пейзаж битвы так же ясно, как видит положение на шахматной доске гроссмейстер, играющий слепую партию. На этом любознательный Прохазка не успокоился: ему непременно хотелось знать, в какой руке держал палицу его знаменитый предок во время Грюнвальдской битвы. Хуа, который сидел на месте пилота, проворчал, что реальная история может подождать и что сейчас гораздо важнее исследовать возможности ХРАПа. Слепой Жижка, сидящий в кресле, каким-то образом услышал это ворчанье (хотя этого и не должно было быть), и со злостью обрушился правой рукой, которая когда-то мастерски владела знаменитой палицей, на ворчуна, разбив проектор. Этого было достаточно, чтобы интеллигентный профессор Прохазка исчез навсегда - в его теле остался генерал, предводитель чашников и яростный рубака.

В последовавшей сумятице кто-то уговаривал Прохазку успокоиться, пытаясь вернуть его исходное сознание в тело, кто-то предлагал его связать и уложить, потому что старик отчаянно сопротивлялся, раздавая богатырские удары направо и налево. Альберт сказал, что придется отправить бывшего заведующего кафедрой в сумасшедший дом, то есть в отделение для душевнобольных при клинике. Действительно, Прохазка ничем не отличался от любого сумасшедшего, который мог вообразить себя Жижкой, разве только тем, что был полностью здоров, и то, что медик счел бы бредом помутненного сознания, было его действительным сознанием.

- Разве он сумасшедший? - спросила его Млада, чуть не плача.

Альберт пожал плечами:

- Он превратился в гения, а гениальность, вообще-то, сродни безумию. Там, где у обычного человека находится психология, у гения – психопатология. Если верить Ломброзо, то...

- Перестань! - закричала Млада, - неужели даже сейчас ты не можешь быть просто человеком?!

- Что же делать с Прохазкой? - вмешался я в разговор. - И что вообще теперь делать?

- Мавр сделал свое дело, мавр может уйти, - ответил Даукаев, потирая уставшие от бессонной ночи глаза, и добавил после паузы:

- Что делать, спрашиваешь? Продолжать слушать музыку сфер. - Я не знал, что на это ответить, но скромный Чжанг вдруг подал свой голос:

- В музыке сфер из всей партитуры ты слышишь только свою партию.

Мы с Младой молча переглянулись.

Полицейский инспектор, пришедший для расследования инцидента, идентифицировал Прохазку, сравнивая лицо с фотографией профессора, и согласился с версией сумасшествия после серии вопросов. Жижка либо угрюмо молчал, либо разряжался рядом ругательств на непонятном для инспектора языке. Млада считала Альберта ответственным за несчастье, потому что он не предусмотрел его при эксплуатации ХРАПа. «Ты гений, убивший другого гения», - сказала она. - «Гений делает то, что должен делать, - сказал Альберт, - исходя из внутреннего призыва: “умри, но стань!”, а остальные делают, что могут и как хотят». - Меня разозлила его категоричность, и я вмешался в разговор супругов:

- Умри и, если надо, то и убей за истину, не так ли, дружище?

- Если в тебе этого нет, «ты лишь скорбный гость на мрачной земле. – Даукаев показал пальцами, что цитирует.

- Не пугай меня цитатами. Сам ты - «скорбный гость», тоже мне, понимаешь ли, Македонский! Гениальный вояка, убивший кучу разного народа.

- Я просто хотел сказать, что иногда и меч может прокладывать дорогу истине, если отвергнуть альтернативу - медленное восхождение. Ты можешь прожить тысячу лет? Я не могу себе этого позволить!

- Не так уж плохо, это медленное восхождение. Тогда у человека хватит времени на все радости: пить кокосовый сок, смотреть на звезды, веселиться с девушками ...

- У каждого свои радости, - сказал Даукаев, посмотрев на часы, и вдруг превратился в шута, который, играя голосом, прочитал следующий стишок: *Мечтаньям дерзким нет предела//Для глупого ума, но тот,//Кому до подвига нет дела,//Всего счастливее живет.//Кто в мир улиткою рожден//И в раковине сохранен,//Оценит самосбереженье//И медленное восхожденье.//Тише, улитка, тише ползи//Все выше и выше по склону Фудзи.*

Ректор Джек Тапуи без колебания утвердил Альберта Даукаева в должности нового заведующего кафедрой и исследовательского проекта взамен Прохазки, который, как сказал Альберт, «нуждается в длительном лечении». То, что Альберт не имел медицинского образования, не играло никакой роли. Главным было то, что он был белым человеком с европейским образованием и имел публикации с высоким индексом цитирования. Правда, печатался Даукаев в основном в разделе научных курьезов, где его высмеивали за «прожекторство в духе мудрецов Лапуту», за глобальную гениализацию человечества, в результате чего «должен выжить только один идиот, а именно Альберт Даукаев». И все-таки для Хулахайо осмеяние во всемирно известном журнале «Природа» было отличной рекламой. Поэтому ректор, слушая программное выступление Даукаева на Ученом Совете, благосклонно улыбался и, когда тот закончил, в знак своего расположения повесил ему на шею ожерелье из морских раковин. Разнообразно и в соответствии с заслугами татуированные ученые мужи, сидящие одесную и ошую от ректора полукругом к Большому Костру, запели под бой барабана Ученого секретаря, чтобы подтвердить свою признательность за проделанную кафедрой научную работу, за вклад в рождение детей, которые, наверное, и являются гениями.

Затем Тапуи встал и произнес гневную филиппику против Фила ди Мазетта, бывшего главного врача клиники. Эту историю я уже знал от самого Фила. Придя в первый раз в дом для мужчин, он хлопнул по заду какую-то даму, чтобы выразить свою заинтересованность. Однако девушка, принцесса Ньяуи, оказалось невестой Паклуха-Паклая, великого воина и доцента права, который в этот день внес за нее остаток выкупной суммы, так что принцесса перешла в его полное владение. Ее разрешалось только рассматривать, цокая языком и хлопая себя по ляжкам в знак восхищения. Невеста является *табу* для каждого мужчины, кроме мужа, и Фил сам стал табу, неприкасаемым, изгоем и кандидатом на жаркое: в этот же вечер он получил шампур в знак того, что его хотят видеть зажаренным. Я помог ему спешно собраться и проводил его на самолет, пешком, в жару, пройдя три километра по раскаленному пляжу, поскольку администратор гостиницы и слышать не хотел о том, чтобы вызвать такси, твердя одно слово: «табу!». Все служащие аэропорта, от менеджера до билетного кассира, уже знали о нарушении закона табу и шарахались от Фила, который без задержки получил билет и беспрепятственно миновал пограничный контроль.

Альберт предоставил всем отпуск на неопределенное время, для успокоения нервов, как он сказал, и я вновь окунулся в прежнюю безмятежную жизнь, словно очарованный колдовским сном Цирцеи, из которого не хочется пробуждаться. Как кадры в старой кинохронике, бежали дни, недели и месяцы, поэтому никто даже не заметил, что Альберт, восстановив свой проектор, продолжает эксперименты. Стряхнув истому, я узнал от Млады, что ее муж использует для своих экспериментов бывшего профессора, а ныне обитателя сумасшедшего дома как подопытную крысу! Когда я пришел в лабораторию за объяснениями, Альберт вышел из-за своего стола и сказал, валяя дурака: - К Вашим услугам, сударь, прикажете подать рапиры или предпочитаете стреляться через платок?

- Альберт, как же ты мог? – Я хотел сказать: «Где это видано, чтобы с человеком можно было обращаться как с подопытной крысой?», но от волнения не мог говорить. Зато Альберт угадал, что я собирался сказать, и ответил с раздражением:

- А где это видано, чтобы лаборант с месячным окладом европейского профессора болтался по борделям, пока начальник работает, как проклятый? - Я хотел сказать, что я не нанимался в лаборанты, но воздержался от замечания, потому что это уже не имело значения, а Альберт продолжал говорить:

- Легко быть этичным, когда ничего не делаешь, а стоит сделать что-нибудь стоящее, не успеешь оглянуться, как ты уже - нарушитель запретов! Однако если вдуматься, все законы природы или культуры суть запреты! Что же, так и прозябать, соблюдая ритуалы? Не убий, видите ли! А я говорю: убей, если нет другого выхода! По газонам нельзя ходить? А я отвечаю на это: только так и можно, пусть газон уступает дороге, которую выбирает человек, нельзя же заставлять человека ходить по кривым линиям, как во французском парке, нельзя заставлять его кривить душой!

В замешательстве я не знал, что на это отвечать и стоит ли вообще что-либо говорить, а Альберт, воспользовавшись паузой, рассказал мне о своем успехе. Я слушал его, как замороженный. Произошедший несчастный случай с бедным Прохазкой выводил на массовое производство гениев! Усовершенствованный аппарат Даукаева, названный им «хроника еналлагэ» по комбинации латинских корней *chronica* (“временной”) и *enallage* (“замена одной формы другой”), или сокращенно ХРЕН, позволял теперь в контролируемом режиме заменять сознание объекта испытания («хозяина») сознанием его предка («гостя»). Смысл такой замены состоял в том, в длинной цепочке поколений всегда есть кто-то, обладающий необычными способностями. Гений, возможно, недооцененный в прежнее время, мог возродиться в новом теле как «гость» и продолжать творить. Я

спросил Альберта, имеется ли у его ХРЕНа задний ход, чтобы гость мог вновь поменяться сознанием с хозяином.

- Пока реверс для возвращения в нулевую точку не удастся установить, - признался Альберт, - поэтому брак неизбежен.

- Почему?

- Гения пока можно вычислить только по внешним признакам. Поведение, отношение с окружающим миром, наконец, собственное творчество, которое выделяется из своего ряда. Все это довольно субъективно. Кроме того, мне не хватает эрудиции, чтобы оценить чье-нибудь творчество, здесь нужен целый научный институт.

- Значит, если ты не сразу попадешь в точку, тогда ХРЕН не может перетащить хозяина в сознание другого гостя?

- Только по ретроспективной оси, то есть глубже в прошлое.

- Кого же ты теперь раскручиваешь, кроме Прохазки?

- Других сумасшедших. Ты же знаешь, их здесь довольно много.

Сумасшедших в Хулахайо, действительно, хватало. Фил ди Мазетта в свое время объяснял это высоким содержанием отравляющих веществ в крысах, мясом которых лакомятся местное население. Крысы,купаемые правительством, идут по бросовой цене, потому что их отлавливают в подвалах американских мегаполисов, что конечно, прибыльнее, чем мясное крысоводство в спецпитомниках. Чем больше город, тем больше в нем крыс, прекрасно адаптировавшихся ко всем ядам, которые вредят только канакам с их приверженностью к традиционным блюдам. Конечно, организм островитян со временем тоже приспособился к ядам, однако это не могло уменьшить числа заболевших скоротечным маразмом, острым дебилизмом и прогрессирующим кретинизмом.

Открытие, действительно, позволяло воспроизводить гениев с помощью перевоплощения сознания. Правда, из десяти сумасшедших только двое перевоплощались гениально. Для остальных изменение сознания ничего не меняло в их жизни; они были не в состоянии понять, что с ними произошло, и попытки объясниться, как правило, кончались провалом. Хуже всего было то, что большинство технических гениев, найденных в прошлых поколениях, вряд ли могли чем-нибудь поразить мир, ведь оригинальный ум, покинутый своим дарованием, становится пустым. Самоанец Кумамаеа, уже в 14 веке до нашей эры придумавший колесо, конечно, был гением, однако это достижение, возможно, приоритетное, ничего кроме вреда ему не принесло, потому что умаляло власть шамана, и шаман реабилитировал себя приказом изжарить канаку на углях, во имя предков,

разумеется. Возрожденный Кумамеа, здравствующий в теле своего потомка Мархайо, даже не пытался вспомнить свое изобретение, несмотря на наши подсказки. Все свободное время он проводил в служебном автомобиле Даукаева, подпрыгивая на упругом сиденье, хлопая дверью и нажимая на клаксон, и при этом его совершенно не тянуло заглянуть в мотор. Восхищенный ум созидать не может, говорил Альберт, для творчества нужна неудовлетворенность, а Кумамеа был безумно счастлив. Джапандраванг, как бы родившийся заново в образе местного кретина Мерихайо, три тысячи лет назад научился шлифовать линзы из горного хрусталя и однажды снабдил собирающие линзы, исправляющие дальновзоркость, бронзовой оправой. Конечно, с незапамятных времен было известно, что линзы могут корректировать зрение, но очки создал первым именно Джапандраванг. Правда, свое открытие он использовал только для своей жены и унес ноу-хау с собой в могилу. Никакого переворота в оптике не произошло, потому что оптика появилась только в тринадцатом веке, во Флоренции. Так же, как Кумамеа, Джапандраванг, став гостем, не смог пережить свое «второе пришествие». Даже не пытаясь создать ничего нового, может быть, оттого, что шлифовать ему здесь было нечего, он тихо сошел с ума; таким образом, его современное воплощение Мерихайо оказался как бы сумасшедшим в квадрате.

Повторное сумасшествие гениев проявлялось почти повсеместно, и было понятно, почему. «Гость из прошлого» оказывался изолированным из-за языкового барьера, и, к тому же, мозг сумасшедшего, в который переключивалось сознание гостя, не выдерживал перегрузок. С гуманитарными гениями было несколько легче, ведь не так уж важно, здоров ли художник или является потенциальным клиентом психиатра. Последнее иногда даже предпочтительнее, поскольку позволяет заглянуть в какие-то потаенные бездны сознания, чтобы выудить оттуда какой-нибудь шедевр в духе Сальвадора Дали. Пандион, племянник философа Анаксагора, был известным в свое время скульптором, создавшим трехметровую скульптуру богини Афины. Имя гениального художника было с презрением забыто, поскольку Пандион добровольно продал себя в рабство, чтобы спасти дядю от кредиторов, и через некоторое время был перепродан персидскому вельможе, сластолюбивому поклоннику мужественной красоты греков. После длинной череды потомков длиной в две с половиной тысячи лет сознание его «ожило» в теле Чипа Мапуи, метиса, который, будучи наполовину белым, крыс в пищу не употреблял и поэтому не мог сойти с ума из-за ядов в их организме.

Открытие Даукаева сулило сумасшедшие горизонты в истории, которая, наконец, могла стать «самой точной наукой», а также в других сферах науки и жизни. Однако гениальный упрямец считал это открытие промежуточным и по-прежнему стремился к реализации масштабного производства оригинальных умов. Возражая своему мужу, рассудительная, несмотря на свое материнство, Млада утверждала, что все оригинальные мыслители стоят на плечах друг у друга.

- Посмотри на историю изобретения велосипеда, - сказала она, - один прикрепляет брус к колесам и едет, отталкиваясь от земли ногами, другой придумывает педали, третий – цепную передачу, а четвертый – пневматические шины. Не правда ли, трудно сказать, чей вклад является более оригинальным?

- Неправда, - сказал Альберт, - идея барона Драйса, который придумал этот самый брус с колесами и рулем, дала импульс для усовершенствований, значит, его вклад самый значительный.

- Все равно, совершенно оригинальную вещь не способен создать ни один человек, хотя бы и семи пядей во лбу, да и нельзя провсти четкую грань между семью и шестью пядями! Великий результат есть слабое усилие людей с разной степенью оригинальности ума.

- Ты говоришь о научных открытиях? - спросил Альберт. - Согласись, однако, что мое открытие совершенно оригинально, хотя и относится к науке.

- Я трепещу перед тобой, мой гений!

- А у меня нет трепета перед самим собой, - сказал Альберт, хотя что-то сверхчеловеческое во мне, конечно, есть.

- Свободный ум?

- Скорее, ум, который творит по наитию, как художник. Знаешь, законченное изображение отклоняет всякую мысль о его возникновении, и я так же не могу сказать ничего об этапах своего открытия. В этом смысле меня, как и талантливого живописца, легче назвать гением, чем, например, изобретателя бумаги из целлюлозы.

Альберт продолжал экспериментировать с Прохазкой, уже превращенным в предыдущих опытах в какого-то Византийского монаха десятого века. Странное отупение овладело всеми, никто не хотел спорить с гением, даже понимая его злодейство. Как гость, монах оказался очередным браком, потому что, как выяснилось, он украл свою философскую концепцию у другого монаха, который генетически никаких пересечений с Прохазкой не имел. Продолжая раскручивать Прохазку, Альберт каждый раз убеждался, что очередной гость не оправдывает его надежд, и при этом приходилось погружаться все глубже в

прошлое из-за отсутствия реверса. В конце концов, пройдя сотню трансформаций, бывший профессор превратился в Харру, художника-примитивиста из каменного века. Ректор Тапуи, восхищенный стремительными контурами длиннорогих оленей Харры, выбитых на всех каменных стенах, до которых художник мог дотянуться, не стал допытываться, почему доктор Прохазка говорит на языке, которого никто не в состоянии понять. Гениальный художник имеет право на скверный характер, сказал он, поэтому пусть говорит любую абракадабру, лишь бы творил!

Мартин, трехлетний сын Альберта и Млады, которому отец долгое время уделял мало внимания, стал причиной ссоры супругов. В этот день я просматривал записи предыдущей серии опытов и решил ненадолго отлучиться, чтобы освежиться в озере, а Альберт в это время был в сумасшедшем доме. Все последующее мне рассказал Млада. Отчаявшись найти своего шалуна, который обожал прятаться, она забежала в лабораторию (хотя ему строжайшим образом запрещено было там появляться). Легко вообразить себе возмущение матери, когда она обнаружила его именно там! Хуже всего было то, что Млада застала Альберта снимающим последние датчики с малыша, чтобы помочь ему подняться с опытного кресла!

- Мерзавец! - закричала Млада, выхватывая Мартина из рук Даукаева, - ты же клялся не делать этого, сволочь, негодяй, проститутка! - Слушая рассказ Млады, я невольно улыбнулся: в качестве крепкого ругательства Млада употребила слово, обозначающее представителя древнейшей профессии, бывшей профессии Млады.

- Я только хотел сделать небольшой поиск в режиме ХРАПа!

- Ложь! – перебила его Млада. – Для этого ты сам мог сесть в кресло, пилотировать твое проклятое кресло может любой! Ты хотел сделать из моего мальчика гения, признавайся, проститутка!

- От проститутки слышу, - сказал Альберт, - и, если бы даже Мартин стал гением, что в этом плохого?

- Я все поняла, – сказала Млада. – Ты хотел сделать второго себя! Воображаю! Клон папочки, трехлетний карапуз Даукаев с гениальным умом! Представляю, что бы вы могли сделать с миром! Вам вдвоем ведь ничего не стоит порвать космос счастливыми когтями гениев – в две пары лап! - Млада прижала к себе испуганного трехлетнего карапуза Даукаева, который вдруг заплакал так горько, что мать отвлеклась, чтобы его утешить, и это помогло ей справиться с собственной истерикой. Затем уже спокойным голосом она объявила, что забирает Мартина и ближайшим рейсом полетит к маме, в Софию.

Млада запретила своему супругу показываться ей на глаза, и я думал, что буду провожать ее на самолет вместе с Чжангом и Хуа, однако они объявили, что тоже улетают этим рейсом. Даукаев не задавал никаких вопросов и никого не отговаривал. Чжанг вопросительно смотрел на меня, словно желая спросить, долго ли еще я собираюсь оставаться на этом благословенном – в климатическом отношении – острове. Я не знал – как долго.

На следующий день после отъезда Млады, когда я обедал вдвоем с Альбертом, он сказал:

- Знаешь, мне, в самом деле, хочется узнать, какие у меня в роду гении, ведь они есть у всех.

- Ты действительно хотел узнать только это?

- Конечно. Я создал хроники всех своих сумасшедших, а своей родословной совсем не знаю.

- Как же так? А история вероятностей твоего рождения?

- Понимаешь, я почти все выдумал. Конечно, не все, а только то, что не знал наверняка.

- Зачем?

- Я хотел тебя заинтересовать, потому что ты мне понравился. – Альберт улыбнулся, и я подумал: какая искренняя улыбка, только нельзя верить человеку, который всегда пускает ее в ход. И все-таки мне хотелось ему верить.

- Пилотировать ХРЕН теперь придется тебе, - сказал Альберт. - Поможешь мне?

- Можешь не сомневаться, - ответил я.

Я сделал первый пробный запуск в пятьсот лет. После вереницы малозаметных характеров мне наконец-то попало что-то интересное: какой-то странствующий философ, мудрец и остро слов. Установив имя философа (Наср-эд-Дин) я - почти не думая, лишь повинувшись какому-то импульсу - нажал кнопку «пуск». Мозг хозяина, великого Альберта Даукаева заполнился сознанием гостя, бухарского плута. В последнюю секунду уходящий гений открыл глаза, пытаясь мне что-то сказать. Наверное, в свое последнее мгновение он проклинал меня за предательство. Дрожащими руками я помог гостю подняться, и ходжа Насреддин сказал мне ясным голосом: «Мир тебе, добрый человек!» Это я-то – добрый человек?!

Глаза Альберта-Насреддина улыбаются, когда он протягивает вперед сжатые кулаки, чтобы я мог угадать, в какой руке прячется белая пешка. Странно, я никогда не угадываю, хотя, играя всегда черными, я иногда свожу партию вничью. «Мир создан для добрых дел,

- сказал Насреддин, делая ход, - а дурные поступки суть лишь их продолжение». В этом что-то есть, подумал я, отвечая на ход великого комбинатора. Только как же мне примирить свое сердце с умом: ведь мир, пожалуй, выиграл моими руками свою партию у Альберта? Или проиграл? Не знаю. Знаю только, что всегда буду раскаиваться в убийстве человека, который был гением и который никогда уже больше ничего не сотворит.

Я смотрю в глаза улыбающегося мудреца, который в очередной раз выиграл, в страстном желании заглянуть ему в душу. Неужели в мозгу гостя не остается хотя бы частицы сознания хозяина? Иногда мне кажется, что Альберт все предвидел и подставил меня специально, так же как сын человеческий подставил Иуду. Зачем?

Чем может мне помочь ходжа, кроме своих забавных, мудрых, глупых сентенций? Насреддин сказал: «Уходи вовремя, так чтобы ты смог взять с собой в дорогу лишь одну четверть грусти от расставания с миром, а три четверти грусти пусть берет себе остающийся!» И еще сказал Насреддин: «Сердце человека выше его ума: ум взвешивает все на весах добра и зла, сердце же слышит только мелодию любви!»

© С.Г. Шафиков, 2009